

ТЕТРАДЬ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

ПЕСАХ

12 тем для изучения и обсуждения за праздничным столом

Двенадцать вопросов из урока рава Рафаэля Бенизри «Песах: тайна числа четыре»: почему Шабат перед праздником называют «великим», что несут четыре эмблемы и четыре ангела, что четыре сына говорят о своих родителях. И вплоть до уверенности Рава: в вечер Агады никто не потерял окончательно.

Рав Рафаэль Бенизри

Содержание

Темы для размышления и вопросы для обсуждения за столом Песаха

-
01	Вав, связывающий Исход с Бытием
02	Четыреста лет и четыре реки
03	Единый, несомый четырьмя
04	Четыре ангела, которых мы носим в себе
05	Каждый увидел брата во тьме
06	Рахель на перекрёстке дорог
07	Вырванный из хаоса, а не избалованный ребёнок
08	Бык, яма, скот, огонь
09	Ни мёда, ни закваски: Б-г внутри
10	Четыре приношения, четыре изъяна
11	Мои дети — по моему образу
12	Четверо спасённых вокруг стола
-

Вав, связывающий Исход с Бытием

ВВЕДЕНИЕ

Книга Шмот начинается с буквы вав — «и». Для Рава эта маленькая буква говорит о том, что Исход продолжает Бытие. Он выводит из этого объяснение, которого, по его словам, нигде не встречал: объяснение названия Шабата перед Песахом — Шабат а-Гадоль, Великая суббота.

ВОПРОС

Почему Шабат перед Песахом называется «Великим Шабатом»?

ОТВЕТ

Рав: *«Совершенно особое объяснение, которого я нигде не встречал».*

Сотворение мира достигает своей цели с рождением еврейского народа и строительством святилища. Берешит говорит о сотворении мира; Шмот — о рождении народа, призванного быть царством священников и народом святым, который утверждает себя своими духовными устремлениями на земле, данной ему, чтобы развить все свои способности. Отсюда этот соединительный вав.

Это название часто объясняют тем, что раввин в этот день без конца напоминает тщательные законы Песаха. Для Рава Шабат а-Гадоль — прежде всего Шабат, завершающий Шабат творения. Наши мудрецы говорят, что если бы Израиль соблюдал две субботы, он был бы избавлен: субботу творения и субботу исхода из Египта — и кидуш напоминает как раз о той и другой. Будучи преддверием рождения народа, этот Шабат и есть Великий Шабат.

Ничто иное его не отмечает, кроме афтары: афтары из Малахи, последнего из пророков, который завершает книгу пророчества и возвещает мессианские времена.

ВЫВОД РАВА

Шабат а-Гадоль — прежде всего Шабат, завершающий Шабат творения.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Семейная история имеет смысл, лишь если она «продолжает» что-то. Продолжением чего является наша семья? И чего от нас ждут, чтобы это начало дошло до своей цели?

Четыреста лет и четыре реки

ВВЕДЕНИЕ

Указ об изгнании, возвещённый Аврааму, несёт число: четыреста лет. Рав связывает его с четырьмя реками, вытекающими из Эденского сада, и видит в Якове, спускающемся в Египет, нового Адама.

ВОПРОС

Почему египетское изгнание поставлено под знак четырёх и что оно должно было дать народу?

ОТВЕТ

Рав: *«Если бы она была дана даром, она не стоила бы ровно ничего».*

Адам сбился со своей траектории в первый же день. Новый Адам — Яков Авину, ради которого ангелы поднимались и спускались, чтобы проверить, тот ли это портрет, тот ли Б-жественный образ. Спускаясь в Египет, он соединяет обещание, данное Аврааму, с изгнанием: это акеда еврейского народа. Как Авраам возложил сына на жертвенник, так Яков возлагает своих детей на жертвенник Египта, с той же уверенностью, что смерть не возьмёт верх, потому что Б-г этого не хочет.

Четыреста лет рабства соответствуют четырём потокам, что вытекают из Эденского сада и разливаются по всей вселенной. Еврейский народ должен, как Адам, обладать всеобщим измерением.

Но это измерение не обретается в одночасье. Его нужно заслужить, приобрести, прислушиваясь ко всей сотворённой вселенной, и оно проходит через язык: очистить своё слово, пока оно не обретёт вновь творческую силу. Это, говорит Рав, и требуется от нас на Песах.

ВЫВОД РАВА

Это значит вернуть языку его значимость, его ценность, его творческую силу.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

То, что нам дают в готовом виде, часто мало что стоит в наших глазах. Какое качество нашей семьи мы приобрели через испытание, а не получили? И какое слово этим вечером могло бы «сотворить» что-то между нами?

Единый, несомый четырьмя

ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой для Рава послужила поэма, приписываемая Ибн Эзре, неподписанная и посвящённая Песаху. Она говорит только о четырёх: четыре буквы, четыре эмблемы, четыре ангела, четыре знамени, четыре края света, четыре времени года.

ВОПРОС

Что представляют собой четыре эмблемы, которые «несут» Единого, — и почему Израиль спасён, хотя был не лучше Египта?

ОТВЕТ

Поэма: Единый в четырёх буквах, несомый четырьмя — львом, орлом, быком и Адамом.

Эмблемы — это способности, данные народу. Лев — царский скипетр, эмблема Йехуды. Орёл — полёт: Б-г нёс нас на крыльях орлиных. Шор, бык, — это одновременно способность бодать и экономическая сила целого народа. А Адам — тот, кого эта сила снизу поддерживает и защищает, оставляя ему возможность взлететь и без страха всем овладеть.

Поэма говорит также, что при исходе из Египта народ был не лучше других. Князья народов доказывали несправедливость: почему один обречён погибнуть, а другой — выжить? Ответ уместается в одну фразу: Я спасаю того, кто носит Моё имя, — Израиль.

Поэтому, замечает Рав, имена родов колен получают йуд и хей, две первые буквы Имени, имеющие священное значение.

ВЫВОД РАВА

Я спасаю того, кто носит Моё имя, — Израиль.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Царственность, полёт, экономическая сила, человечность: какой из этих четырёх способностей у нас больше всего не хватает? И что значит для каждого за этим столом «нести Имя» в повседневной жизни?

Четыре ангела, которых мы носим в себе

ВВЕДЕНИЕ

Михаэль справа, Гавриэль слева, Уриэль впереди, Рафаэль позади: эти имена нам знакомы. И всё же Рав предупреждает: мы живём не в ангельском мире. Этих четырёх «посланцев» носим в себе мы сами.

ВОПРОС

Если ангелы — это силы, которые мы носим в себе, к чему обязывает нас каждый из них?

ОТВЕТ

Михаэль, Гавриэль, Рафаэль, Уриэль; Авраам, Ицхак, Яков — и Йосеф.

Михаэль — мерило хеседа, доброты. Гавриэль — сила, ибо доброта не есть капитуляция, любезность неспособного человека, выбравшего этот путь за неимением лучшего. Рафаэль — равновесие: теряя слух, теряешь равновесие; от глагола азен, уравнивать, происходит мознаим, весы. Он исправляет все перекосы между добротой и силой. И всё это ради Уриэля: продвигать свет Б-га.

Эти контуры начертили праотцы. Авраам — хесед, Ицхак — гвура, Яков — тот, кто установит равновесие, отмерит оба качества и исправит их.

И Йосеф, которого забывают сосчитать: он входит в ряд праотцев, потому что он отец еврейского народа начиная с Египта, Йесод, основание народа.

ВЫВОД РАВА

Доброта — это вовсе не капитуляция.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Доброта, сила, равновесие, свет: каждое в одиночку искажается. Что преобладает в каждом из нас? Попросим соседа по столу ответить за нас — и сказать, что бы он хотел видеть в нас более развитым.

Каждый увидел брата во тьме

ВВЕДЕНИЕ

Сигнал к выходу даётся не после первой казни, а после девятой — тьмы. И четыре глагола избавления — выведу вас, спасу вас, избавлю вас, возьму вас себе в народ — следуют, по мнению Рава, тем же путём.

ВОПРОС

Что во тьме девятой казни сделало народ готовым выйти?

ОТВЕТ

«Ве-оцети... ве-ицальти... ве-гаальти... ве-лакахти» (Шмот 6:6–7).

Народ начинает свой выход лишь тогда, когда способен уловить свет сквозь тьму. И Рав читает рассказ так: в этой тьме каждый увидел своего брата. Это видение другого в худшие минуты жизни и создаёт единство еврейского народа, и именно оно решает исход из Египта — то есть выход из всех изгнаний.

Четыре глагола рисуют его этапы. Ве-оцети: Я выведу вас из Египта — и выведу Египет из вас. Ве-ицальти: обязательство полной доброты к народу, который даже не восстал против своего гонителя. Ве-гаальти: избавление, связанное с Яаковом, о котором мы вспоминаем, говоря «Гаал Исраэль».

И ве-лакахти, «возьму вас Себе в народ»: оно приходит, когда единство народа засвидетельствовано в самом Египте.

ВЫВОД РАВА

Это видение другого в худшие минуты жизни и создаёт единство еврейского народа.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Легко видеть брата, когда всё хорошо. В какой тёмный момент кто-то из этой семьи нас по-настоящему «увидел»? И кто вокруг нас сегодня проходит через тьму, ожидая, что его увидят?

Рахель на перекрёстке дорог

ВВЕДЕНИЕ

Рождение народа связано с четырьмя праотцами, но и с четырьмя праматерями. Сара, Ривка, Лея и Рахель — каждая кого-то отстранила. И одна из них похоронена не вместе с другими.

ВОПРОС

Почему Рахель покоится отдельно, у дороги, — и кого она поставила на пути своих детей?

ОТВЕТ

Сара отстраняет Ишмаэля, Ривка отстраняет Эсава, Лея отстраняет Лавана.

Каждая из праматерей отстранила то, что следовало: Сара — Ишмаэля; Ривка — Эсава; Лея — Лавана. Рахель же не похоронена в пещере Махпела. У неё отдельная гробница — на перекрёстке дорог. Она оплакивает своих детей, и именно ей поручено их найти.

Для этого она поставила на их пути своего сына Йосефа. Йосеф — политик: он составляет первый этап прихода Машиаха, предшествующий окончательному духовному избавлению. Йосеф и Биньямин, сыновья Рахели, определяют завершение.

Так число четыре обнаруживается по обе стороны рождения народа: четыре праотца и четыре праматери, которые отличились тем, что отстранили угрожавшее будущему их детей.

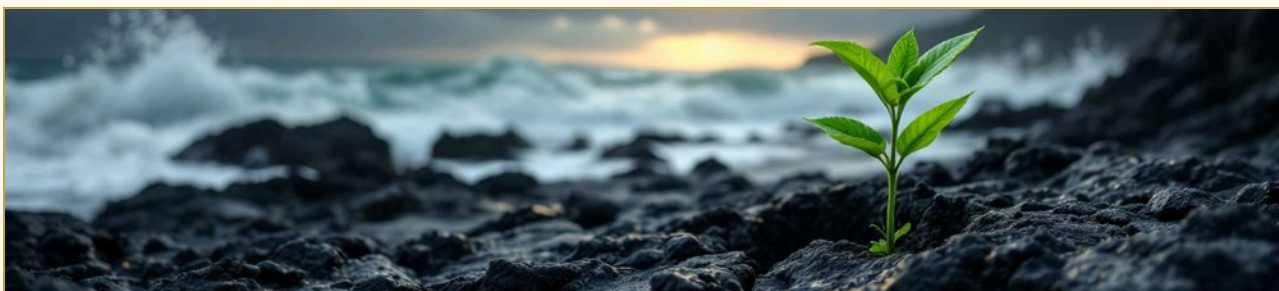
ВЫВОД РАВА

Она на перекрёстке дорог, она оплакивает своих детей, и именно ей поручено их найти.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

В семье кому-то порой приходится отстранять, а кому-то — ждать на перекрёстке тех, кто сбился с пути. Кто играет эту роль у нас? И кто из наших близких всё ещё ждёт, чтобы за ним пришли?

Вырванный из хаоса, а не избалованный ребёнок

ВВЕДЕНИЕ

Для Рава Мицраим — матрица четырёх изгнаний: Бавеля, Мадая, Явана и Эдома. Первые три в прошлом; четвертое — то, в котором мы живём. И ненависть этих империй приняла форму самих элементов творения.

ВОПРОС

Что говорит о нашем рождении как народа то, что против нас сражались огнём, водой, землёй и духом?

ОТВЕТ

«Земля же была тоху и боху, и тьма над бездной» (Берешит 1:2).

Эти империи хотели обратить против нас четыре стихии: эш, маим, афар, руах. Сражаться с нами огнём, водой, земляными работами, замуровать нас в стенах, сделать из нас музейный народ — и, наконец, полностью уничтожить наш дух.

Их ненависть действовала на четырёх уровнях: неживом; растительном — кормя нас хлебом слёз; животном — натравливая на нас лесного зверя; и человеческом, униженном до позора. Вплоть до четырёх казней суда — и Рав останавливается на тех, кого удушили, кто так и не смог подать голос, даже не вышел из чрева матери.

Но народ, несущий в себе все эти достоинства, — не избалованный ребёнок Творца. Это ребёнок, вырванный из хаоса, как и само творение, которое страдает в своём истоке от четырёх слов: тоху, боху, хоших, теом.

ВЫВОД РАВА

Это не избалованный ребёнок Отца-Творца, а ребёнок, вырванный из хаоса.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Мы часто рассказываем нашу историю как череду несчастий или как привилегию. Рав предлагает третье прочтение: рождение, вырванное из хаоса. Что вырвали из хаоса наши родители, бабушки и дедушки, чтобы мы были здесь этим вечером?

Бык, яма, скот, огонь

ВВЕДЕНИЕ

Глава Мишпатим разбирает четыре вида ущерба: бодливый бык, яма, вырытая без предосторожностей, скот, пущенный пастись на чужое поле, огонь, которому дали разгореться. «Внимание, — говорит Рав, — всё это символично».

ВОПРОС

Если эти четыре вида ущерба живут в человеке, как они связаны со спуском в Египет?

ОТВЕТ

Шор, бор, мавэ, геввер: четыре главные причины ущерба.

Вырыли яму — кто-то в неё нечаянно упал: не приняли нужных мер. Дали разгореться огню. Пускают свой скот на чужие поля, потому что хотят попользоваться чужим добром. Всё это живёт в человеке: он рождён со своими инстинктами и способен вредить ближнему.

А спуск в Египет связан с этой страстью, пожирающей существо, с этим пренебрежением и презрением к другому. Именно раздор братьев привёл к тому, что Йосеф оказался в яме, затем стал жертвой страстей, затем попал в темницу. Эти четыре бедствия, бывшие у истока изгнания, проходят испытание во время пребывания в Египте.

Рав добавляет ещё одно различие: есть Тора Моше — строгое исполнение закона, и Тора Аарона, где любовь может доходить до крайности, чтобы не дать народу упасть. Мишпатим же выносит решение.

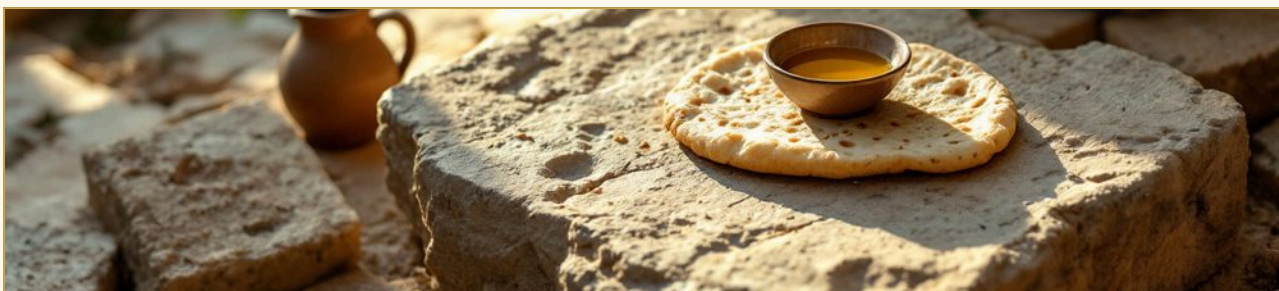
ВЫВОД РАВА

Эти четыре бедствия, опустошающие наше существо, подвергаются испытанию в нашем пребывании в Египте.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Яма без крышки, скот на соседском поле: часто это скорее небрежность, чем злоба. Какая небрежность уже ранила кого-то у нас? И какую «яму» нужно накрыть на этой неделе?

Ни мёда, ни закваски: Б-г внутри

ВВЕДЕНИЕ

В жертвоприношениях запрещалось приносить мёд и закваску. Рав видит в этом урок об искренности — а отсюда и о том, где мы помещаем Б-га.

ВОПРОС

Почему мёд и закваска исключены из жертвенника и что значит «приблизиться» к Б-гу?

ОТВЕТ

«Никакой закваски и никакого мёда не сжигайте в огнепалимую жертву Г-споду» (Ваикра 2:11).

И то и другое искажает жертву. Если я осыпаю тебя похвалами, превозношу тебя и раздуваю этой закваской, я неискренен с тобой: напротив, я ввожу тебя в заблуждение. Если же по-настоящему хотят близости к Б-гу, каров, понимать это нужно как бе-керев, внутри: «среди народа Моего». Наше еврейство, свет, присутствие Б-га — внутри нас самих.

«Довольно помещать Б-га вне себя, — говорит Рав. — Он живёт в нас. Он в Египте, в нас, и нужно суметь Его освободить». Для этого нужно подниматься по ступеням. Асия: стадия ребёнка, которому дают представления о Б-ге, — некоторые сохраняют их до преклонного возраста. Йецира: стадия образа, которого нам велели остерегаться. Затем Брия: поместить Его на самый возвышенный уровень, какой только можно помыслить.

ВЫВОД РАВА

Довольно помещать Б-га вне себя. Он живёт в нас.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Какой образ Б-га остался у нас с детства? Пусть каждый честно назовёт представление, которое было у него в детстве и которое он, быть может, до сих пор хранит. И где мы почувствовали присутствие «внутри», а не над нами?

Четыре приношения, четыре изъяна

ВВЕДЕНИЕ

Бык, овца, птица, мучное приношение: Тора знает несколько видов корбанот. Рав читает их как четыре способа служить Б-гу — и все немного хромают.

ВОПРОС

Что говорит о нас то, как мы приносим своё «приношение»?

ОТВЕТ

Рав: «Этот корбан действительно свидетельствует о некоем изъяне в вас».

Есть тот, кто приносит быка: давай-ка быка, так я выражу свою любовь к Б-гу. Нет: не царскими подарками жене завоёвывают жену. С жертвой не красуются; Б-гу не служат, говоря себе: я лучший, я самый близкий.

Есть тот, кто приносит овцу: он в общем потоке, делает как все. Есть тот, кто приносит птицу, перелетающую с ветки на ветку: сегодня я одно, завтра другое, не хочу себя определять — как в политике меняют кепку, слева направо. И есть тот, кто сделал служение Б-гу своим заработком: минха, мучное приношение.

Так каждый корбан указывает на изъян, на четырёх уровнях, — точно так же, как он есть за моим столом, у моих четырёх детей.

ВЫВОД РАВА

С жертвой не красуются.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Эффектный жест, жест как у всех, жест, меняющийся по ветру, жест из выгоды: какой больше всего похож на наше соблюдение? И каким был бы для каждого простой жест без единого из этих четырёх изъянов?

Мои дети — по моему образу

ВВЕДЕНИЕ

В вечер Седера говорят о четырёх сыновьях: мудром, нечестивом, простом и том, кто не умеет спрашивать. Их быстро рассаживают вокруг стола. Рав поворачивает зеркало к родителям.

ВОПРОС

Если за моим столом мудрец, бунтарь, простак и молчун, что это говорит обо мне — и как с ними говорить?

ОТВЕТ

Четыре языка: агед, амира, дибур и обольщение «ат петах ло».

Мне не за что сердиться на своих детей, если за моим столом хахам, раша, там: это потому, что я сам таков. Мои дети — по моему образу. Они представляют то, что я есть, только с чертой более резкой, выпуклой. Не из-за этого же я стану их ненавидеть или отвергать.

Напротив, я должен найти подходящий язык для каждого. И в Агаде их четыре. Агед — язык властный. Амира — язык мягкий. Дибур — диалог взрослых. А для того, кто дуется, кто не хочет ни говорить, ни слушать, — язык обольщения: я его задобрю, «ат петах ло».

Между ними есть оттенки, уточняет Рав, но это матрицы, которые обнаруживаются во всей структуре вечера.

ВЫВОД РАВА

Мои дети — по моему образу.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Каждый может поискать в себе мудреца, бунтаря, простака и молчуна. Кто из них громче всех говорил во мне в этом году? И для каждого из наших близких — какой из четырёх языков действительно открывает разговор?

Четверо спасённых вокруг стола

ВВЕДЕНИЕ

Ночь Песаха — лейл шимурим, ночь бдения. И Рав завершает псалмом, присушим празднику, который велит воздать благодарность четырём: узнику, спасшемуся из кораблекрушения, больному и тому, кто всё ещё блуждает в пустыне.

ВОПРОС

Почему в вечер Седера мы немного — все эти четверо спасённых сразу?

ОТВЕТ

«Ночь бдения это для Г-спода... для всех сынов Израиля в поколениях их» (Шмот 12:42).

Лейл шимурим: ночь стражей. Мы — часовые, говорит Рав, и остаёмся часовыми человечества. Да и у вечера есть свои песенные движения, вплоть до Галеля.

Псалом называет тех, кто обязан прославить имя Б-га: того, кто был в темнице и вышел из неё; того, кто спасся от кораблекрушения и пересёк моря; того, кто был болен, лежал на постели в опасности; и четвёртого — того, кто остался блуждать в пустыне, кто ещё не нашёл своей дороги.

В вечер Агады мы немного — все эти люди вместе. Мы обретаем там наше единомушие, наше сердце в песне — потому что ни в какой момент не можем считать себя окончательно потерянными.

ВЫВОД РАВА

Ни в какой момент мы не можем считать себя окончательно потерянными.

УРОК ДЛЯ СТОЛА

Узник, спасшийся из кораблекрушения, больной, заблудившийся: каждый когда-то был одним из них. Из какого из этих состояний мы вышли и какое ещё переживаем? Что мы можем сделать до конца праздника для того, кто ещё не нашёл своей дороги?